

Н. В. Кабинина

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
nadia.nvlad2010@yandex.ru

К этимологии рус. диал. *сэндуха**

В докладе рассматривается вопрос о происхождении северного русского диалектизма *сэндуха*. В говорах восточносибирского села Русское Устье это слово означает ‘тундра; природа’ [Чикачев, 1990, 160], в других зонах Северной России для него фиксируются значения ‘пустое место’, ‘открытый воздух’, ‘пространство вне дома’, ‘ночлег под открытым небом’ [СРНГ, 37, 163; КСГРС].

За этими обобщенными сведениями стоит сложная лексикографическая история слова, начавшаяся в 1810 г. с его фиксации в русских говорах Камчатки, откуда далее *сендуха* «продвигалась» на запад: в первой трети XX в. слово было зафиксировано в архаичных русско-устыинских говорах, а также в верхнепинежских и сольвычегодских говорах Русского Севера [СРНГ, 37, 163; КСГРС].

Вероятно, этот парадоксальный лексикографический путь «с востока на запад» стал одной из причин того, что диалектизм не попал в словарь М. Фасмера — даже с характерной пометой «темное слово», а А. Е. Аникин первоначально искал его истоки в языках народов Сибири [см.: Аникин, 1997, 511]. Позднее, с учетом севернорусских данных, он отклонил сибирский источник, однако этимология слова осталась под вопросом.

Общая лингвогеографическая картина, окончательно выяснившаяся только во второй половине XX в., не оставляет сомнений в том, что «материнским» ареалом для *сендуха* является Верхнее Пинежье.

На этой территории диалектизм многократно фиксируется в контекстах одного типа, причем исключительно как синтаксически связанное слово: «Ночевали на сендухе», «Спал на сендухе», «Ночевал на сендухе — под открытым небом, безо всего, значит», «На сендухе ночевал, без избы, у костра» [КСГРС] и т. п. Это, во-первых, позволяет

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

восстановить для слова прототипические значения ‘открытое место’, ‘пространство вне дома’, ‘воздух’, ‘небо’, ‘природа’, что в целом можно назвать семантикой открытого природного пространства. Во-вторых, синтаксическая связанность слова ведет к предположению о том, что этимологом русского диалектизма является не прямая, а косвенная форма субстратного слова с указанной семантикой.

В качестве этимона мы предлагаем др.-приб.-фин. **sää/nneh* с основой косвенных падежей **sää/ntehe-*, где приб.-фин. *sää*, так же как его ближайший синоним *ilma*, имеет синкретичное значение ‘погода / воздух / небо’, а *-nneh* является реликтовым прибалтийско-финским именным суффиксом.

Поскольку семантика обоих компонентов **sää/nneh* выявляется только на основе реконструкции, приведем необходимые аргументирующие данные. Первая их часть, касающаяся вероятной древней семантики приб.-фин. *ilma* и *sää*, иллюстрируется в табл. 1¹.

Таблица 1

**Семантические соответствия приб.-фин. *ilma* и *sää*
в финно-угорских языках**

Приб.-фин. <i>ilma</i>	Приб.-фин. <i>sää</i>
‘воздух’ (фин., карел., люд., ижор.)	‘воздух’ (венг., коми-зыр.)
‘погода’ (фин., карел., люд., ижор., вод., эст., лив., саам., манс., хант.)	‘погода’ (фин., карел., люд., вепс., ижор., саам.)
‘небо’ (карел., ижор., саам., удм.)	‘небо’ (венг.)
‘буря, шторм’ (фин., саам.)	‘буря, шторм’ (фин., вепс., ижор., вод., саам.)
‘все видимое’, ‘все, что снаружи’, ‘мир, свет’ (карел., люд., ижор., эст., лив., саам., хант.)	—
‘Бог’ (коми-зыр.)	—
‘сторона горизонта’ (фин.)	—
—	‘ветер’ (карел., саам.)
—	‘гроза’ (карел.)
—	‘дым’ (диал. коми-зыр.)

¹ Таблица составлена по данным этимологических словарей финно-угорских языков [SKES, 1, 104; 4, 1177; SSA, 1, 224; 3, 244; КЭСКЯ, 268; KKLS, 549; UEW, 435].

Как можно видеть по составу языков, в которых имеются соответствия прибалт.-фин. *ilma* и *sää*, оба слова являются очень древними. Полного изоморфизма семантики между гнездами не наблюдается, однако по данным таблицы вполне очевидна устойчивая связь примарных значений ‘воздух’ — ‘погода’ — ‘небо’, раскрывающая древнее синкретичное финно-угорское видение «наружного», надземного природного пространства.

В чем же заключалась функция суффиксального компонента *-nne(h)*? В современных прибалтийско-финских языках это мертвый суффикс, сохранившийся в крайне ограниченной группе финских (в виде *-nne*) и карельских слов, единично — ижорских и вепских. Авторы [ОФУЯ, 65] квалифицируют его как «суффикс неясного происхождения» и не поясняют его семантику, хотя она хорошо прослеживается по сохранившимся примерам. В нижеследующей табл. 2 представлена их часть.

Таблица 2

Прибалтийско-финские лексемы с суффиксом *-nne(h)*

Лексемы с суффиксом <i>-nne(h)</i>	Производящие слова
фин. <i>aro/nne</i> ‘сырая земля’	< <i>aro</i> ‘сырой прибрежный луг, лощина; сухая земля с бедной растительностью; сухая равнинная земля, степь’ [SSA, 3, 83]
фин. <i>harja/nne</i> ‘горный хребет’	< <i>harja</i> ‘гребень’ [ОФУЯ, 65]
фин. <i>lotma/nne</i> ‘ложбина, долина’	< <i>lotma</i> ‘то же’ [SSA, 2, 95]
фин. <i>luoma/nne</i> ‘ручей с крутыми берегами; ложбина, пологий берег’	< <i>luoma</i> ‘ручей с крутыми берегами’ [SSA, 2, 107]
фин. <i>oja/nne</i> ‘сырая ложбина; (высохшее) русло ручья; ручей’, карел. <i>oja/nneh</i> ‘сырая ложбина; ручей’, люд. <i>oja/ndeh</i> ‘ложбина, канава’, вепс. <i>oja/ndeh</i> ‘старое русло реки’	< <i>oja</i> ‘прорытая в земле колея; ручей’ < <i>oja</i> ‘канава; ручей’ (карел., люд., вепс.) [SSA, 2, 262]
фин. <i>selä/nne</i> ‘кряж, хребет’, карел. <i>selä/nneh</i> ‘то же’	< <i>selkä</i> ‘спина’ [SSA, 3, 167]
фин. диал. <i>tieranne</i> ‘невыгоревшее место на подсеке’	< <i>tiera</i> ‘то же’ [SKES, 5, 1284]
фин. <i>tilanne</i> ‘место, пространство’	< <i>tila</i> ‘место; состояние; дом, участок’ [SSA, 3, 294–295]

По данным таблицы видно, что, кроме архаичности, которая явно выражается в редкости суффикса *-nne(h)*, он обладает еще одной характерной чертой: во всех без исключения случаях он служит для образования географических терминов. При этом суффикс проявляет семантику «уподобления», образуя географические термины с общим значением «место, похожее на что-либо, подобное чему-либо». В качестве аналогии можно привести русский суффикс *-ин(a)*, который в составе ряда диалектных географических терминов также имеет «уподобительное» значение (*болотина*, *озерина*, *ручьевина* и т. п.).

С опорой на все приведенные факты мы предполагаем, что приб.-фин. *sää*, когда-то обозначавшее не только погоду, но и небо, воздух, все надземное пространство, имело диалектный дериват **säänneh* (косв. **sää/ntehe-*). Этот дериват должен был являться «земным» географическим термином, имеющим значение ‘место, подобное небу’, т. е. ‘открытое, широкое, пустое, чистое пространство’.

То, что русский диалектизм фонетически ближе именно к основе косвенных форм, не должно удивлять — в живой речи формы косвенных падежей по сравнению с начальной формой гораздо более частотны. *Сендуха*, скорее всего, было усвоено русскими именно из конструкций с косвенными формами лексемы **säänneh* — об этом говорит уже упоминавшаяся выше устойчивая синтаксическая связанность русского слова (*ночевать / спать на сендухе*). Конечному оформлению приб.-фин. **säänneh* : **sääntehe-* в виде *сендуха*, безусловно, способствовала русская адаптация: с морфологической стороны можно предполагать влияние суффикса *-ух(a)*, а с семантической стороны — сближение с исконно русскими словами *дух*, *воздух*.

В качестве языка-источника можно предполагать либо карельский язык, до сих пор сохранивший древний интервокальный *h*, либо какое-то неизвестное ныне прибалтийско-финское наречие, в котором этот звук тоже не был утрачен. В связи с последним нельзя обойти вниманием тот факт, что Верхнее Пинежье является зоной плотной концентрации этнотопонимических и иных свидетельств былого проживания «чуди».

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

КЭСКЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

ОФУЯ — *Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редюк К.* Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Чикачев А. Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990.

KKLS — *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapiin sanakirja. O. 1–2. Helsinki, 1958. (Lexica societatis Fenno-ugricae; XV).

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki, 1955–1981.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Budapest, 1986–1991.

Ю. А. Качалкова*, М. Э. Рут**

*Уральский государственный экономический университет

**Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

*kachalova.iulija@yandex.ru

**moerut@yandex.ru

Урбанонимическое реформирование: «за» и «против»*

Названия объектов городского пространства несут в себе ярко выраженную социально-идеологическую нагрузку, поэтому наречение и переименование улиц, площадей и т. п. вызывает наибольшее количество споров. Для одного из мегаполисов России — города

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00586 «Урбанонимы как часть языкового ландшафта города: традиции и перспективы рационального развития».

© Качалкова Ю. А., Рут М. Э., 2019